

УДК 316.4

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ МИРА, ИДЕНТИЧНОСТЬ И ОБРАЗЫ ДРУГ ДРУГА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЫХ ЖИТЕЛЕЙ КАЛИНИНГРАДА, ГДАНЫСКА И КЛАЙПЕДЫ

В. А. Колосов*
О. И. Вендина*

Работа основывается на сопоставлении анализа федерального дискурса о проблеме эксклавного положения Калининградской области в 1994—2012 гг. по материалам скрининга «Независимой газеты» с результатами опроса студентов Балтийского федерального университета им. И. Канта, Гданьского и Клайпедского университетов, проведенного по сходной анкете. Студентов этих университетов объединяет латентная неудовлетворенность перспективами трудоустройства, выражающаяся в декларируемом намерении эмигрировать. Ориентация молодых калининградцев, как и их сверстников из Гданьска и Клайпеды, на преимущественные связи с Европой труднореализуема из-за неопределенности перспектив всего комплекса отношений между Российской Федерацией и Европейским союзом. Молодежь Гданьска и Клайпеды воспроизводит застарелые стереотипы общественного мнения, и их интерес к Калининградской области ограничен. Тем не менее, как показывает опыт других стран, введение малого приграничного движения между Калининградской областью и соседними воеводствами Польши в принципе может улучшить представления жителей указанных государств друг о друге.

Терпеливая многолетняя работа по диверсификации взаимодействий, продвижению положительного имиджа Калининграда в соседних регионах Польши может принести плоды. Наряду с мерами по укреплению экономической базы региона увеличение символического капитала Калининграда необходимо и для гармоничного развития идентичности самих калининградцев.

*Институт географии РАН
119017, Россия, Москва,
Старомонетный пер., 29

Поступила в редакцию 18.08.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2014-4-1

© Колосов В. А., Ведин О. И., 2014

Ключевые слова: Калининградская область, геополитическое видение мира

Калининградская область и ее эксклавный статус — объект пристального внимания многих исследователей, представляющих разные страны и области знания. Несмотря на это, перспективы взаимодействия области с соседними воеводствами Польши и уездами Литвы, составлявших некогда интегрированное социально-экономическое, а нередко и политическое пространство, остаются по-прежнему не вполне ясными. Они определяются не только материальными факторами — развитием сетевых функциональных связей, лежащих в основе процессов регионализации, но и доминирующим политическим дискурсом в соседних странах, а также социальными представлениями о внешнеполитических и экономических приоритетах, образами партнеров в массовом сознании. Возникает вопрос, насколько общественное мнение разделяет официальную риторику и одобряет государственную политику адаптации области к ее эксклавному положению, какие индивидуальные стратегии вырабатывают ее жители в этих условиях, насколько они влияют на их отношение к соседям и в целом на восприятие места своего региона в Балтийском регионе, стране, Европе и мире.

В работах по исследованию границ (*border studies*) хорошо видно, что любая формальная линия разграничения — между государствами, провинциями и даже муниципалитетами — это сложный и постоянно эволюционирующий социальный конструкт, который должен рассматриваться в разных масштабах — от глобального и макрорегионального до локального (см., например, [22; 25; 31]). В восприятии людей «масштаб» границы может меняться, в том числе в зависимости от их повседневной деятельности и потребностей. Она может представлять как местный феномен, «священный рубеж родины» или разграничительная линия между «цивилизациями», «драматизирующая» различия идентичностей по обе его стороны, как ось трансграничного пространства либо в разных пропорциях и то и другое [28]. В классическом исследовании долины Чердания на рубеже между французской и испанской частями Каталонии американский историк П. Салинс показал, как политические и экономические интересы ее жителей влияли на их лояльность к соседним государствам [29]. В свою очередь, восприятие границы, соседнего региона и страны — важный фактор, определяющий интенсивность трансграничных потоков и успех приграничного сотрудничества [21]. Приграничный регион — это территория, в пределах которой идентичность местных жителей может при определенных условиях трансформироваться особенно быстро и в которой государство подчас вынуждено предпринимать особые усилия в борьбе за лояльность своих граждан [13; 30].

В изучении этих проблем действенна критическая геополитика, сочетающая географические, социологические, политологические и иные методы, функциональный и конструктивистский подходы [11; 27; 24]. Основная задача при этом — сопоставление политического дискурса с представлениями граждан и «объективными» показателями состояния и взаимодействия разных территорий. Ключевое понятие критической геополитики — *геополитическое видение мира*, под которым понимается набор общественных представлений о соотношении между различными элемен-

тами политического пространства, национальной безопасности и угрозах ей, выгодах и потерях определенной внешнеполитической стратегии. Позиционирование страны или ее части в мире, по отношению к ближним и дальним соседям, самоотождествление с определенным регионом мира, страной, городом — важнейшая часть идентичности. Отвечая на вопрос «Где, в какой стране, в каком регионе мира я живу?», человек неизбежно отвечает и на вопрос «Кто я, каковы мои ценности и идеалы?» Самоотождествление с определенным регионом мира — вопрос не столько географических знаний, сколько культурных и политических ценностей [26]. Большинство стран относится одновременно к разным территориальным и культурным общностям. Так, Россия может рассматриваться как северная, тихоокеанская, черноморская и балтийская страна.

Логично предположить, что в такой обширной стране, как Россия, геополитическое видение мира могут существенно отличаться от района к району: в Калининграде, например, взгляды граждан на зарубежный мир могут быть не такими, как в Москве или на Дальнем Востоке. Они, в частности, зависят от личного опыта поездок за рубеж. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что такие различия действительно существуют, но пока они не очень значительны, во всяком случае слабее различий между крупными городами и остальной территорией [26].

Задача настоящей работы — во-первых, изучить, как отражается российский официальный политический дискурс на геополитическом видении мира калининградской молодежи. Во-вторых, сравнить взаимные представления и геополитические ориентации российских, польских и литовских студентов и сопоставить их с объективными различиями между Калининградской областью и соседними территориями Польши и Литвы.

Политический дискурс в России и ЕС как фактор формирования геополитического видения мира у молодежи Калининграда, Гданьска и Клайпеды

Как показал сплошной скрининг публикаций о проблемах соседства России с сопредельными странами в «Независимой газете»¹ за 2000—2004 и 2008—2012 гг., в общероссийском дискурсе о Калининграде как российском эксклаве, отделенном от нее территориями Беларуси и Литвы, с первых лет после распада СССР выделяется две главных сюжетных линии. Первая — выбор между двумя альтернативными стратегическими сценариями развития региона. Одна из них — сохранение высокого уровня милитаризации и его превращение в «самый западный редут страны», вы-

¹ При сравнительно небольшом тираже «Независимая газета» позиционирует себя как «качественное» ежедневное издание, рассчитанное на образованную аудиторию. Придерживаясь в целом центристской и умеренно-критической в отношении действующей власти точки зрения, газета отражает достаточно широкий круг мнений. Работа выполнена в лаборатории геополитических исследований Института географии РАН в рамках проекта «Euborderscapes», поддержанного 7-й Европейской рамочной программой.

двинутый в сторону потенциального противника — НАТО. Реалии 1990-х гг. потребовали резкого сокращения числа воинских частей и личного состава вооруженных сил, расквартированного в области, и отказа от использования многих дорогостоящих объектов — аэродромов, складов, военных городков и т. п. С конца 1990-х гг. резкую демилитаризацию области стали противопоставлять расширению НАТО на восток и укреплению его военной инфраструктуры (см., например, [1—3; 7, 8, 20]).

Другая альтернатива — курс на всемерное использование выгод нового географического положения области в интересах как всей России, так и самого региона, экономическую и политическую открытость, превращение региона в «опытный полигон» сотрудничества с европейскими странами, связанное с устранением препятствий для трансграничных обменов и развитием приграничных контактов, обеспечением благоприятного климата для иностранных инвестиций, расширением внешней торговли, логистических функций. Такой сценарий давал возможность повысить благосостояние населения и подтянуть его до уровня соседних стран ЕС. Вместе с тем возникал риск ослабления связей с остальной территорией России, появления сепаратистских движений, выступающих при поддержке внешних сил за создание в нем четвертого независимого прибалтийского государства, ущерба безопасности страны (см., например, [4; 5]).

Стало ясно, что оптимальный путь — достижение баланса между задачами сохранения области в составе РФ и ее открытостью. Более того, сегодня одно невозможно без другого [18; 19]. В Концепции федеральной социально-экономической политики в отношении Калининградской области 2001 г. утверждалось, что главной целью обеспечения национальных интересов и безопасности в Калининградской области является создание здесь такого экономического, международного, политического и военно-стратегического положения, которое создавало бы условия, исключающие опасность ослабления роли и значения области как неотъемлемой части Российской Федерации. Такие условия включают устойчивое социально-экономическое развитие региона, повышение показателей уровня жизни его населения до величин, сопоставимых с соседними странами ЕС, недостижимое без активного участия в процессах экономической регионализации на Балтике. Опыт первых же лет после распада Советского Союза показал, что эксклавное положение области вызывает дополнительные издержки для хозяйства и населения, которые необходимо либо напрямую компенсировать из федерального бюджета, либо создавать особые, преференциальные условия включения региона в международное разделение труда [18]. Отсюда возникла вторая главная сюжетная линия дискурса о Калининграде, порожденная объективным противоречием между необходимостью учета уникального положения Калининградской области, особенно после вступления в ЕС и НАТО Польши и Литвы, и установления единых правовых норм для всей территории как России, так и ЕС.

С одной стороны, Калининград пытался получить от Москвы субсидии, льготы и особый статус, которые бы компенсировали значи-

тельные затраты на транзит через территории соседних стран и более высокие цены на газ и электроэнергию. В 1990-е гг. в области звучали требования не только превратить регион в особую экономическую зону, пользующуюся льготным таможенным и налоговым режимом, но и полной его «автономизации», вплоть до приобретения «государственного статуса» и последующей частичной или полной интеграции в ЕС. Эта тема периодически поднималась и в 2000-х гг. В то же время очевидно, что близость к границе ЕС открыла для калининградцев в постсоветский период новые возможности, и не только в виде источника доходов от угасшей со временем приграничной торговли. Закономерно последовал «демонстрационный эффект» — интерес жителей российских приграничных районов к европейским стандартам потребления и организации общественной жизни в целом, запросы и ожидания экономических и социальных мер региональной и федеральной власти, основанных на понимании особого положения эксклава [6; 17].

С другой стороны, руководство страны, особенно в начале 2000-х гг., после избрания президентом РФ В. Путина, стремилось укрепить единство национального правового и экономического пространства и отказаться от практики договорных отношений между федеральным центром и регионами на разных условиях. Радикальные лозунги, провозглашаемые некоторыми общественными деятелями в Калининграде, порождали в Кремле опасения сепаратистских тенденций и отнюдь не способствовали благоприятному отношению к требованиям особого режима и дискурсу о регионе как «лаборатории сотрудничества» с Евросоюзом. К тому же в 1990-х гг. возникали и темы «возвращения» Калининграда Германии, заселения его российскими немцами, территориальных претензий Литвы. Характерно, что страх полной потери суверенитета России над эксклавом и пересмотра всей системы послевоенных границ отчетливо прослеживается в российском дискурсе вплоть до последних лет.

Европейский союз в ходе переговоров о визовом режиме, а затем и транзитном сообщении между основной территорией России и Калининградом также категорически отказывался принять во внимание российские аргументы о специфике области и заключить соответствующие соглашения. Руководители Еврокомиссии и отдельных стран ссылались на незыблемость и универсальность норм, установленных Шенгенскими соглашениями, и твердую поддержку национального суверенитета Польши и Литвы, исключаящую всякую возможность принятия российских предложений по транзиту через их территории.

ЕС хотел избежать того, чтобы область стала постоянным источником «мягких рисков», таких как трансграничная преступность, нелегальная иммиграция, наркомания, инфекционные заболевания и т.п. Интересы безопасности в понимании ЕС требовали усиления контроля за транзитом в Калининградскую область и обратно и объективно вступали в противоречие с интересами России, которая, наоборот, была заинтересована в том, чтобы режим транзита между регионом и основной частью территории страны был максимально облегчен. Политика Брюсселя по отношению к Калининградской области основывалась

прежде всего на опасениях слишком большого разрыва в социальных показателях между российским эксклавом и окружающими его территориями стран ЕС, предопределяющих высокий уровень социальных патологий. Именно на этих угрозах фокусировали информацию о положении в Калининграде западноевропейские СМИ.

Как бы сложно и противоречиво ни развивалась обстановка в Калининградской области, очевидно, что, как и во всей России, в новом веке она значительно изменилась к лучшему по сравнению с 1990-ми гг. Относительная прозрачность границы давала соседям хорошую возможность по-новому взглянуть на перспективы российского эксклава, заново открыть его для себя.

Вызовы соседства: реальность, представления друг о друге и индивидуальные стратегии

Чтобы ответить на вопрос, в какой мере были реализованы эти возможности, авторами в конце 2012 г. был проведен опрос студентов Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград), Гданьского и Клайпедского университетов². Всего по почти одинаковым анкетам было опрошено 675 студентов старших курсов гуманитарных специальностей: 252 — в Калининграде, 217 — в Гданьске и 206 — в Клайпеде. Кроме обычных социодемографических в анкете были вопросы, сгруппированные по трем разделам. Первый — вопросы о личном опыте посещений зарубежных стран, в том числе соседних (для студентов из Калининграда — Польши и Литвы, для жителей Гданьска — Калининградской области и Литвы и т. д.), владения иностранными языками, идентичности, ассоциациях со словом «Калининград». Во второй раздел вошли вопросы о материальном положении семей респондентов, социально-экономическом положении в регионе и сопредельных странах, перспективах и миграционных намерениях. Третий раздел охватывал вопросы, направленные на выяснение геополитической картины мира в представлениях студентов: оценка ими привлекательности разных стран мира, приоритетность экономических связей с различными странами и регионами. В целях международных и межрегиональных сопоставлений авторы старались как можно больше использовать вопросы из их предыдущих исследований и мониторингов ведущих российских социологических агентств. Особенно показательны сравнения с результатами международного исследовательского про-

² Авторы выражают искреннюю признательность за большую помощь в проведении исследования профессору Г. М. Федорову и доценту Е. С. Фидре (Балтийский федеральный университет им. И. Канта), профессорам Т. Пальмовскому и Я. Вендту (Гданьский университет), а также доктору Э. Спириевасу (Клайпедский университет). Разумеется, взгляды студентов не совпадают с общественным мнением в целом. Однако речь идет о наиболее образованной части молодого поколения, социализированного уже после краха социалистической системы и распада Советского Союза, поэтому изучение его мнений представляет значительный интерес.

екта «Видение Европы в мире», поддержанного 7-й Европейской рамочной программой, в рамках которого в 2010 г. было опрошено около 9300 студентов в 18 странах мира по сходной анкете.

Были также проведено сравнение социально-экономических показателей по городам и районам Калининградской области, повятам Поморского и Варминско-Мазурского воеводств Польши, Клайпедского, Таурагского и Мариямпольского уездов Литвы, хотя его сильно затрудняла несопоставимость показателей по области до и после реформы административно-территориального деления 2008 г., в ходе которой были перекроены границы и изменен состав муниципальных образований. Это сравнение показало, что ситуация в этих регионах в целом вполне сопоставима. Так, средняя зарплата в Калининградской области в пересчете по паритету покупательской способности (ППС) в 2012 г. составляла 716 долларов, в Поморском воеводстве — 805, Клайпедском уезде — 762. Стоимость продуктовой корзины в Гданьске примерно на 20—23 % меньше, чем в Калининграде или Клайпедке, но зато жители Гданьска должны вдвое больше платить за бензин, коммунальные услуги и общественный транспорт, чем калининградцы. Поляки в среднем несколько «богаче» россиян и литовцев, но литовское региональное сообщество менее сегрегировано по имущественному признаку, чем польское и российское. Несмотря на сильную зависимость от импорта компонентов и состояние российского потребительского рынка, производство промышленной продукции в Калининградской области в 2000-е гг. существенно выросло. В расчете на душу населения оно выше, чем в Варминско-Мазурском воеводстве, и почти достигло уровня одного из наиболее развитых регионов Польши — Поморского воеводства. Демографическая ситуация в российском эксклаве довольно благоприятна по сравнению с соседними регионами Польши и особенно Литвы, где естественная убыль накладывается на массовый миграционный отток. Вследствие положительного сальдо миграций численность населения еще с 1990-х гг. в области стабилизировалась, хотя продолжительность жизни ниже, а структура смертности свидетельствует о сохранении существенного уровня алкоголизма и других социальных патологий [14].

Однако у калининградских студентов сложилось гораздо более пессимистическое мнение о состоянии и перспективах развития своего региона, чем у их ровесников из Гданьска и Клайпеды. В этих городах 45—48 % опрошенных оценивали ситуацию в своем регионе как благоприятную и скорее благоприятную. Еще соответственно 24 и 31 % протестированных считают, что она такая же, как в других районах их стран, и только 29 % — в Гданьске и 15 % — в Клайпедке полагают ее сложной или очень сложной.

Более того, молодые калининградцы не верят в хорошие перспективы своего региона, около 56 % респондентов убеждены, что в ближайшие годы экономическая ситуация в области никак не изменится либо что она скорее всего или даже безусловно ухудшится. Такой скепсис тем более удивителен, что опрошенные — молодые люди в возрасте около 20 лет. К тому же они уверены в своей осведомленности в пер-

спективах региона, о которых сказали значительно больше студентов БФУ им. И. Канта, чем Гданьского и Клайпедского университетов. Россияне привыкли уповать только на свои силы, не веря, что власти или еще кто-либо обеспечат им лучшую жизнь. Характерно, что калининградские студенты оценивают свое личное будущее более оптимистично, чем перспективы развития области: 58% опрошенных надеются, что в короткое время уровень жизни их семей повысится.

В отличие от калининградцев 48% польских интервьюентов придерживаются оптимистического взгляда на будущее своего региона, 23% — думают, что ситуация никак не изменится, 12% — ухудшится или безусловно ухудшится. В Клайпедке молодые люди настроены еще более оптимистично: большинство респондентов (66%) уверены, что в ближайшие два года жить в их регионе станет точно или скорее всего лучше. Уверенно смотрят в будущее 59%. Однако польские студенты сомневаются, что они лично достигнут успеха: в Гданьске «оптимистов» около 39% (треть затруднилась ответить).

Несмотря на разную оценку развития своих регионов, молодых людей всех трех граничащих регионов объединяют сходные индивидуальные жизненные стратегии: среди них чрезвычайно сильны миграционные намерения. Больше половины респондентов (в Калининграде 55%, Гданьске 58%, Клайпедке 66%) заявили, что хотели бы воспользоваться возможностью сменить место жительства в ближайшие два года или после окончания учебы. Таким образом, миграционный потенциал молодежи Калининградской области заметно выше, чем в среднем по России у лиц в возрасте 18—24 лет (39%). Главная причина повсюду одна — поиск хорошо оплачиваемой и интересной работы (в Калининграде ее указали 72% студентов, Гданьске — 86%, Клайпедке — 76%). В условиях ограниченного или сжимающегося рынка труда возможности найти работу, соответствующую своим запросам и самооценке, в родном городе они не видят. Лишь 10% калининградцев, выразивших желание уехать, просто хотят сменить район проживания, еще 11% — видят себя жителями других крупных городов, в основном Москвы, обычно связываемой в России с жизненным успехом. Много студентов всех трех университетов настроено на эмиграцию. В Калининграде таких две трети. Молодые жители области гораздо лучше знакомы с условиями жизни за границей, чем их сверстники в других регионах России: 83% — бывали в зарубежных странах, большинство — многократно. В то же время из 830 студентов, опрошенных в Москве, Екатеринбурге, Хабаровске и Ставрополе в рамках упомянутого международного проекта двумя годами раньше, за рубежом успели побывать только 44% [11].

Если молодежь Клайпеды все еще мечтает об интересной и высокооплачиваемой работе за границей (58% желающих уехать), то польские респонденты разделяют эти иллюзии в меньшей мере. На выезд за рубеж ориентированы «только» 34% опрашиваемых студентов. Поляки имеют большой опыт массовой трудовой миграции: по разным оценкам за последнее десятилетие из страны выехало от 1,2 до 3 млн человек. Они хорошо знакомы с трудностями адаптации на новом месте и не-

удовлетворенностью работой, не соответствующей квалификации. По сравнению со сверстниками из России и Литвы вдвое больше польских студентов, выбирая миграцию как стратегию достижения личного успеха, предпочло бы остаться в своей стране.

Несмотря на разные объективные условия и различную оценку личных перспектив, настрой молодежи на отъезд из своей страны отражает восприятие ими своих регионов как периферийных. Ответы студентов на вопрос о привлекательности разных стран дают представление об общих и отличных чертах сложившегося у них геополитического видения мира и восприятие соседей.

Мир глазами студентов Калининграда, Гданьска и Клайпеды

Как свидетельствуют результаты проекта «Видение Европы в мире», для ментальной карты молодых людей в принципе характерен непоколебимый евроцентризм. По их мнению, самые удобные для жизни — крупные страны Западной Европы: Франция, Италия, Германия, Великобритания, к которым по уровню привлекательности близки Испания, а также Нидерланды, Австрия, Швейцария и другие небольшие европейские государства. В сравнении с генеральной выборкой россияне проявили наибольшую «еврофилию». Высокий уровень симпатий «старой» Европе отмечали авторы и многих других исследований [15]. Европейские страны ассоциируются у российских респондентов прежде всего с отдыхом, развлечениями, покупками, престижными товарами и услугами. С туризмом и потреблением связаны восемь из двадцати наиболее частых ассоциаций. Видение Европы россиянами носит более «потребительский», гламурный характер в отличие от их зарубежных сверстников. Но играет роль и богатое историческое и культурное наследие, о котором россияне узнают еще в раннем возрасте из школьных учебников и телепередач. Поэтому Европа ассоциируется и с понятиями «цивилизация», «история», «образование». Некоторую часть наших сограждан западноевропейские страны привлекают ценностями демократии, правового государства, развитой системой образования, научно-техническими достижениями. Однако такие ассоциации, как «свобода», «демократия», в России более редки [12; 23].

Наоборот, проект показал, что во главе списка стран, в которых студенты не хотели бы жить, — Ирак, Иран, Афганистан, Пакистан, ассоциируемые с исламским фундаментализмом и вооруженными конфликтами. Непривлекательны большинство стран Африки, Азии и Латинской Америки. Причины различны: культурная дистанция, укоренившиеся представления о низком уровне жизни в этих странах, авторитарные режимы, находящиеся у власти в некоторых из них. Как правило, в отношении России и других стран бывшего СССР (кроме Балтии) также сложился резко негативный образ. При этом личный опыт не всегда влияет на привлекательность страны. Часто неблагоприятен образ знакомых соседних стран, особенно если они воспринимаются как более бедные или если с ними были конфликты в прошлом. Так, для российских респондентов непривлекательны бывшие советские республики, уровень жизни

в которых в целом ниже, чем в России, они не ассоциируются с отдыхом, потреблением или экзотикой. Непривлекательность некоторых стран, к примеру Украины или Грузии в России, явно во многом объясняется их негативным освещением на основных телеканалах.

Студентов из Калининграда, Гданьска и Клайпеды также просили назвать по пять стран, в которых они хотели бы и не хотели бы жить в ближайшее время. Затем был рассчитан «индекс асимметрии», представляющий собой разницу между числом упоминаний страны как привлекательной и непривлекательной, деленным на общее число ее упоминаний. Результаты опроса приведены в таблице 1.

Таблица 1

«Индексы асимметрии», рассчитанные на основе ответов респондентов на вопросы о пяти странах, в которых они желали бы и не желали бы жить

Страны, регион	Калининград	Гданьск	Клайпеда
Россия	-0,13	-0,95	-0,81
Польша	0,23	—	-0,90
Литва	-0,39	-0,93	—
Латвия, Эстония	-0,68	-0,90	-0,81
Украина, Беларусь, Молдавия	-0,72	-0,98	-0,88
Германия	0,79	0,16	0,95
Великобритания и Ирландия	0,85	0,57	0,47
Франция, Италия, Испания, страны Бенилюкса	0,68	0,50	0,62
Страны Северной Европы	0,75	0,70	0,83
Страны Центральной Европы	0,96	0,20	0,58
Балканские страны	-0,08	-0,39	-0,62
Турция и Ближний Восток	-0,94	-0,80	-0,75
США и Канада	0,35	0,57	0,75
Китай	-0,74	-0,84	-0,88
Страны Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока	0,10	-0,13	-0,11
Австралия и Новая Зеландия	0,30	1,00	—
Латинская Америка	-0,25	-0,39	—
Страны Южного Кавказа и Средней Азии	-0,17	-1,00	-1,00
Афганистан, Ирак, Иран	-1,00	-1,00	-1,00
Африка	-1,00	-1,00	—
Индия и Пакистан	-1,00	-1,00	-1,00

Как видно из таблицы 1, студенты из Балтийского региона, столь близкого к привлекательной «старой» Европе, не стали исключением из общих закономерностей. Очевидна их «европейская» ориентация. Самыми высокими положительными индексами на ментальной карте студентов всех трех университетов отмечены страны Северной и Западной Европы, а также Бенилюкса. Но есть и некоторые нюансы: так, для калининградцев Великобритания и Ирландия весьма заман-

чивы (индекс 0,85), тогда как отношение поляков и литовцев к этим странам традиционной иммиграции более сдержанное (соответственно 0,57 и 0,47). На соседнюю Германию, столь привлекательную для студентов из Калининграда (0,79) и Клайпеды (0,95), жители Гданьска — города, в котором началась Вторая мировая война, — смотрят явно иначе (0,16).

Немало студентов считают возможным местом жительства и ведущие страны Нового света — США и Канаду. В Польше и, особенно, в Литве отношение к США очень позитивное (соответственно 0,57 и 0,75). США исторически занимают уникальное место в географии литовской эмиграции. Среди молодых калининградцев, как и россиян в целом, отношение к США более противоречивое. Они ценят высокий уровень жизни и американские достижения в науке и технике, но многие респонденты воспринимают эту страну как сверхдержаву, играющую главную роль в НАТО, претендующую на мировую гегемонию, глубоко вовлеченную в международные конфликты и навязывающую свои интересы другим странам. Именно так представляют роль США в мире федеральные телеканалы.

Самый отталкивающий образ, как и у участников опроса по проекту «Видение Европы в мире», у Ирака, Ирана, Афганистана, стран Африки, Индии, Пакистана и Средней Азии. В этих странах жить не захотел никто. В целом неблагоприятный образ также у стран Ближнего Востока, Латинской Америки и Китая (в последнем случае, вероятно, из-за культурной дистанции). Однако непривлекательны для опрашиваемых также и соседние Латвия и Эстония (–0,68 в Калининграде, –0,9 в Гданьске и –0,81 в Клайпеде).

В «треугольнике» Гданьск — Калининград — Клайпеда в большинстве случаев соседи воспринимают друг друга негативно. Исключение составляет лишь преимущественно положительный образ Польши в Калининграде (0,23). Для российских и польских студентов непривлекательна Литва (соответственно –0,39 и –0,93), а для литовских — как Россия, так и Польша (–0,81 и –0,9). Можно предположить, что негативный имидж Литвы в Гданьске и Польши в Клайпеде связан с общим историческим прошлым. Резко отрицательный образ России отмечается в Гданьске (–0,95). Через негативную коннотацию России подчеркивается инаковость Польши, ее современность и свободолюбие. Во всех трех городах, где проводился опрос, столь же непопулярны и другие европейские соседи постсоветского пространства — Украина, Беларусь и Молдова. Совершенно очевидно, что такое геополитическое видение мира не способствует региональному сотрудничеству.

Образ балтийских соседей формируется не только телевидением и другими СМИ, системой образования и наследуемой молодым поколением политической культурой, но и личным опытом визитов в ближайшие города. Трансграничные потоки молодых людей резко асимметричны. В Польше никогда не были 27% калининградских студентов, 56% — посетили соседнюю страну хотя бы раз, а 22% бывают там ежегодно или даже несколько раз в год. Хотя Литва для калининградских студентов менее привлекательна, чем Польша, в этой стране побывали 63% опрошенных. В то же время 88% гданьских и 68% клай-

педских респондентов ни разу в жизни не пересекали российскую границу. Побывали в России хотя бы единожды 9 % опрошенных поляков и 24 % — литовцев. При этом практически все они направлялись именно в Калининград, а не в города основной территории страны³. Ответы респондентов о целях поездок и мнения о режиме границы позволяют получить представления о причинах столь значительных различий.

Очевидно, что дело вовсе не в визовом режиме, хотя он, безусловно, сказывается на частоте контактов. Польские и литовские студенты ездят в Калининград столь редко, что их мнение об адекватности режима границы выяснить не удалось. Что же касается калининградцев, только 14 % удовлетворены режимом российско-польской границы, тогда как 31,7 % придерживаются противоположной точки зрения⁴ (столько же затруднились ответить). Лишь 8 % из них указали на трудности с получением визы. Главные причины недовольства — чрезмерные потери времени на пограничный контроль и нехватка пунктов пропуска. Примерно такие же ответы калининградцы дали и о российско-литовской границе.

Знание языка также не является препятствием для обменов. Около 77 % респондентов в Калининграде, 88 % — в Клайпеде и 92 % — в Гданьске заявили, что они владеют иностранным языком, чаще всего английским. При этой в Клайпеде — одном из самых «русскоязычных» и, подобно Калининграду, «переселенческих» городов Литвы — 57 % студентов говорят по-русски.

В отличие от «взрослых» калининградцев студенты ездят в Польшу не столько за покупками (40 %), сколько в целях туризма и развлечений (55 %). Остальные причины (учеба, участие в семинарах и конференциях, профессиональных встречах, свидание с родственниками и друзьями) играют гораздо меньшую роль. Мотивация поездок в Литву та же, что и в Польшу: главная из них — туризм и развлечения (39 %); шопинг в Литве менее популярен, чем в Польше (16 %). Основные цели поездок молодых поляков и литовцев в Калининградскую область — туризм и развлечения, в меньшей степени покупки. Стало быть, для них важен символический капитал Калининграда, его бренды и имидж.

³ Формально количество польских и литовских граждан, въехавших в Калининградскую область в 2013 г., было соответственно на 56 и 20% больше, чем россиян, выехавших в Польшу и Литву. Однако большая часть пересечений российской границы, совершаемых польскими гражданами, приходится на «бензинщиков», заправляющих баки своих машин более дешевым российским бензином и перепродающих его в своей стране. На самом деле поток носит ярко выраженный асимметричный характер.

⁴ Опрос проводился незадолго до введения малого приграничного движения между Калининградской областью и соседними воеводствами Польши. Этот шаг, однако, не означает полной отмены бюрократических препон. До июля 2013 г. желающим получить соответствующую визу надо было доказать, что они оплатили по крайней мере семь ночей в польском отеле, позже — три ночи. Одновременно было введено новое требование: представить счета, подтверждающие, что житель Калининградской области пользовался услугами польских отелей в течение двух последних лет.

Образы «чужого», предпочитаемые партнеры в мире и идентичность

Несмотря на крайне слабое знакомство с Калининградской областью и вопреки ряду объективных показателей, большинство польских и литовских студентов думают, что экономическая ситуация в ней хуже или значительно хуже, чем в их странах (соответственно 50 и 36%). Честно заявили, что им трудно ответить на этот вопрос или не дали ответа около трети польских и литовских респондентов.

Слабый интерес к Калининграду у польских респондентов зиждется на его негативном образе в их представлениях. Распространены такие клише, связанные не столько с Калининградом, сколько с имиджем России в целом: *водка, пьянство, СПИД, Сталин, Путин, холод, несвобода, коммунизм, СССР, мафия, лагерь...* (их высказало 11% студентов⁵). Многие «по традиции» 1990-х гг. ассоциируют город с *бедностью, неразвитостью, низким уровнем жизни, забытым регионом, теневой экономикой, контрабандой, войной и военным форпостом России* (17%). Преобладают все же нейтральные ассоциации: *российский регион, регион на карте* (37%); *сосед Польши, Восток Европы, граница, транзит, трудности пересечения границы* (7%); *дешевые продукты, дешевый бензин, порт, россияне, экскурсии в магазины Гданьска, новые русские, особая экономическая зона, эксклав России* (24%). Такая реакция — отражение размытости, несформированности образа Калининграда. Лишь единичные респонденты вспомнили о таких компонентах бренда города, как *Кант, янтарь, янтарная комната, дорога янтаря*. У 6% гданьских респондентов слово «Калининград» вообще не вызвало никаких ассоциаций.

Никакой реакции оно не вызвало еще у большего числа клайпедских студентов (21%). Для 30% опрошенных респондентов это просто *российский город, часть России* или даже *неизвестный город*. Большая часть студентов (61%) связывает с Калининградом негативные ассоциации. Их спектр широк: *политическая нестабильность, отсутствие свобод, коррупция, нежелание там жить и туда ездить, опасное место, криминал, беспредел, бандитизм, дешевые наркотики, теневая экономика, контрабанда, сигареты, неразвитая инфраструктура, бедность, низкий уровень жизни, разоренный город, базар, более дешевые товары, бензин, социальные проблемы, не приветливые люди, непривлекательный для туризма город, угроза: атомная станция, военная база, армия, советский город, советские порядки; пограничье, транзитная территория, трудности с визой, ожидание при пересечении границы, закрытый город, изолированный город, эксклав, периферия, экономически неразвитый город*. Доля респондентов, высказавших более или менее положительные ассоциации: *исторический город, Кёнигсберг, зоопарк, привлекательный большой город, много возможностей, торговый город, дорогой город, масса денег; хорошие люди, родственники, друзья, янтарь, Куришская коса*, составила только 14%. Лишь немногие идентифицировали Калининград как соседский город и связали его с идеей сотрудничества.

⁵ Сумма не составляет 100%, поскольку респонденты давали несколько ответов.

Пожалуй, самое удивительное — это слабость, неразвитость образа Калининграда у самих его молодых жителей: 43% опрошенных не смогли никак определить свое отношение к нему, 30% составили «романтически-ностальгические» ассоциации (*родной город, город, где живу, любимый город, лучший город*), прочие позитивные ассоциации (*старинный, исторический, чистый, красивый город, архитектура, брусчатка, интересные места*) или скудный набор традиционных брендов (*янтарь, Куршская коса, Балтийское море*). Впрочем, и явно негативных ассоциаций набралось немного (*неухоженный, негармоничный город, проходной двор, обида за регион, бедность, эксклав, окраина*). Проявление специфической региональной идентичности можно видеть в довольно редких (14%) ассоциациях Калининграда с *европейским городом, близостью к Европе, Западом России, не совсем Россией* и ассоциациях, связанных с германским прошлым: *немецкий город, Кёнигсберг, бывшая Восточная Пруссия, Германия*.

Таким образом, российским студентам в символическом смысле нечего предложить соседям для «обмена». У них нет интереса к сотрудничеству с соседями, а у соседей, в свою очередь, сформировалось психологическое «отторжение» России как партнера.

Для всех стран, граничащих с Россией, она является значимым «другим», позволяющим легитимировать в глазах населения действия собственных элит. Это определяет риторику политических дискурсов, варьирующих от остро критических до сдержанно-умеренных, в духе идей «национального прагматизма». Россия выглядит то как партнер, с которым выстраиваются сложные, но равноправные отношения, то как политически нестабильная страна, стремящаяся к доминированию в регионе и использующая внеправовые рычаги давления на своих соседей — экономические, миграционные, культурные, военно-стратегические. Людям постоянно напоминают о России как потенциальной внешнеполитической угрозе. Негативная оценка РФ дополняется интенсивным потоком информации о тех постсоветских странах, которые рассматриваются как «естественные союзники» в противостоянии с Россией. Такая символическая политика, транслируемая через СМИ и учебные пособия, оказывает значительное влияние на формирующееся мировоззрение молодых людей и делает региональное развитие заложником геополитики.

Не случайно Россия расположена ближе к концу списка в иерархии стран, экономическое и политическое сотрудничество с которыми является, по мнению польских и литовских студентов, перспективным для Польши и Литвы. Они рассматривают в качестве главного партнера страны ЕС, прежде всего Германию. Экономическое и политическое взаимодействие именно с Германией считают самым важным 67% польских студентов. За ней «следуют» Франция, Великобритания, Италия, «малые» страны Западной Европы (41%) и Северной (46%). Россию, Украину и Литву упомянули совсем немного респондентов — впрочем, ненамного меньше, чем США, про Беларусь не вспомнил почти никто. Таким образом, восточных соседей как партнеров для гданьских студентов просто не существует, что подтверждает однозначную и абсолютную ориентацию на Европу, отождествляемую с ЕС.

Клайпедские студенты в качестве наиболее перспективных для Литвы экономических и политических партнеров видят в первую очередь страны Северной Европы (58% респондентов), Германию (51%), Францию, Италию и Испанию (50%). При этом относительно более бедных соседей — членов ЕС литовские студенты таковыми не считают. В отличие от Гданьска в Клайпедзе, однако, хорошо понимают важность экономических связей с Россией, грузы которой в основном перерабатывает местный порт. Ее назвали перспективным контрагентом почти столько же студентов, сколько и предпочитают страны «старой» Европы (53%). Далекие США фигурируют в списке важных партнеров более чем вдвое реже (25%). О соседних Беларуси и Украине почти не вспоминали.

Калининградцы, как и их соседи, ориентированы в основном на ЕС, но все-таки их видение партнеров несколько более разносторонне. В списке стран, экономическое и политическое сотрудничество с которыми они считают наиболее желательным, с большим отрывом лидирует Германия (47%), за которой следуют соседняя Польша (34%), Япония (25%) и Китай (22%). «Рейтинг» Литвы и соседних стран Балтии крайне низок. Настораживает, что большинство опрошенных (70%) видят будущее в сотрудничестве с ЕС, а не с другими регионами России (всего 11%). В этом — главное отличие геополитического видения мира молодыми калининградцами от официального дискурса.

Представление о приоритетности европейского вектора как гарантии успеха, закрепившееся в сознании молодежи всех трех рассматриваемых регионов, способствует не столько их потенциальной интеграции, сколько усилению дезинтеграционных процессов, поскольку у студентов сложился преимущественно негативный образ друг друга и они не считают перспективным сотрудничество с ближайшим соседом (исключение — мнение калининградцев о сотрудничестве с Польшей). В случае Калининграда такая позиция таит также риск изоляции от остальной территории России. Граница между балтийскими странами — членами ЕС и Россией воспринимается студентами всех трех университетов как водораздел двух миров, в одном из которых царит «порядок», а в другом — «хаос». При этом представители «мира хаоса» отчетливо демонстрируют свое стремление в «мир порядка», что укрепляет барьерные функции границы и препятствует открытости, отвечающей требованиям современного развития.

К тому же литовскими и польскими студентами вступление в ЕС и Шенгенскую зону рассматривается как своеобразная привилегия, которую не стоит распространять на россиян. В Гданьском университете лишь 18% студентов полагают возможной отмену визового режима с Россией в целом, 18% — только для жителей приграничных районов, около трети убеждены, что этот вопрос можно решить только в отдаленной перспективе, а 7% — что этого в принципе нельзя делать. Жители Клайпеды настроены более либерально: треть из них — за полную отмену визового режима между ЕС и Россией, 19% — предоставили бы его только жителям приграничных районов и лишь 17% — считают, что в обозримой перспективе он должен быть сохранен (30% — не имеют по этому вопросу определенной позиции). Это неудивительно, учитывая взгляд молодых людей на Калининградскую область и Рос-

сию в целом как источник всевозможных угроз, несмотря на очевидные выгоды, которые приносят соседним регионам поездки к ним российских соседей. В сознании молодежи укоренилось представление о границе как физической данности, а не как об институте, созданном людьми и нуждающемся в модернизации.

В то же время чуть более половины ориентированных на интенсивные обмены со странами ЕС молодых калининградцев выступают за отмену визового режима; еще четверть — считает безвизовый обмен возможным только для жителей приграничных районов.

Калининградские студенты отличаются от своих ровесников из Гданьска и Клайпеды наименьшей самоидентификацией со своей страной — соответственно 22 против 30 и 49% (табл. 2). Для сравнения, по данным проведенного в 2011 г. общенационального опроса, 72% респондентов из Янтарного края ощущали свою общность с гражданами России «в значительной степени», и эта идентичность была самой сильной. Более того, по сравнению с 2004 г. самоидентификация жителей России со своей гражданской нацией выросла более чем вдвое [9]. Правда, выборка в этих опросах охватывала все население, тогда как в исследовании, проведенном авторами, рассматривалось мнение только студентов. Однако многократный разрыв в показателях дает основание полагать, что молодые калининградцы действительно сильно отличаются от своих сверстников в других регионах страны по степени ощущения принадлежности к российской гражданской нации. Согласно результатам опроса российской части по проекту «Видение Европы в мире», из всех 18 стран, в которых проводилось анкетирование, у российских студентов национальная идентичность была выражена наиболее ярко: 62% из них заявили, что прежде всего чувствуют себя гражданами своей страны.

Таблица 2

Самоидентификация студентов

Вариант ответа	Калининград	Гданьск	Клайпеда
Житель города / села / местности	28,2	46,1	29,1
Житель своего края, области	17,9	5,5	3,4
Гражданин своей страны	22,2	30,0	49,0
Представитель своего народа, своей национальности	8,7	6,0	4,9
Гражданин мира, европеец, студент и др.	18,3	8,7	11,6
Затрудняюсь ответить	4,8	3,7	2,0

Несколько более половины польских и чуть менее половины российских студентов ассоциируют себя прежде всего со своим городом, местностью или областью (регионом). При этом региональная идентичность (как можно заключить из сказанного выше, вовсе не трансграничная) у калининградцев сильнее, чем у жителей Гданьска и Клайпеды. Из этого

можно было бы сделать вывод, что происходит закономерный, хотя и явно не беспроблемный процесс формирования специфического регионального самосознания калининградцев, активизировавшийся после превращения области в российский эксклав. Очевидно, что в регионе, население которого всего около 65 лет назад полностью обновилось и долгое время состояло из недавних мигрантов, прибывших из разных районов всего Советского Союза, долог и труден. Чем моложе возрастная группа, тем больше в ней доля родившихся в области, значительно преобладающих в молодых когортах; для них Калининградская область — родина. Однако почти треть молодых калининградцев (что значительно больше, чем в Гданьске и Клайпеде) либо определяют себя представителями своей национальности, либо не имеют ясной идентичности, не желая или затрудняясь ассоциировать себя со своей страной, областью, городом («человек мира», «европеец», «студент» и т. п.). Анализ самоидентификации «во вторую очередь» не меняет этих выводов.

Относительная слабость национальной идентичности вполне коррелирует с пессимистической оценкой перспектив региона, повышенным настроением на отъезд и мнением о преимущественном значении для области экономических связей со странами ЕС, а не другими регионами России, а также зыбкостью символического капитала Калининграда в восприятии. Неуверенность в возможности самореализации в регионе, ограниченность его пространства, ставшего российским островом в большой Европе — ЕС, из которой Россия заведомо исключена, длительное отрицание прусско-германского периода истории, отсутствие значимых советских символов и событий в советскую эпоху и относительная изоляция от основной территории страны определяют сложность и противоречивость формирования региональной идентичности у молодых людей. Его своеобразие заключается в сочетании разнородных элементов: советского наследия, германского прошлого (впрочем, в его чисто внешних проявлениях), культур разных регионов бывшего Советского Союза, носителем которых является родительское поколение, опыта жизни в современной России. Из опрошенных студентов 18% никогда не выезжали в другие регионы страны. Большинство остальных бывали только в Москве (73%) и Петербурге (57%). Другие регионы посещали лишь немногие. При этом поездки в столичные города, как правило, представляли собой кратковременные экскурсии. Закономерен вывод, что интеграция области и остальной территории страны с годами все больше становится не только экономической, но и социально-культурной задачей. Показательно, что только 17% калининградских студентов твердо заявили, что по окончании университета хотели бы остаться в своей стране.

Вопреки фактам калининградские студенты (57%) полагают, что экономическая ситуация в Калининградской области хуже или значительно хуже, чем в Литве, и лишь некоторые (около 8%) — придерживаются противоположного мнения (табл. 3). При этом молодые люди ощущают близость к Европе, хотя чувствуют себя европейцами. Однако на практике оказывается, что это миф: общего символического капитала с соседями нет или он слаб; Россию они воспринимают преимущественно негативно; очевидно, что эксклав столь же далек от Европы, как и «большая» Россия.

Таблица 3

**Оценка студентами экономического положения
Калининградской области в сравнении с Польшей и Литвой, %**

Оценка	Гданьск	Клайпеда	Калининград	
			по сравнению с Польшей	по сравнению с Литвой
Значительно лучше	1,8	4,4	0,8	0,8
Несколько лучше	4,6	13,1	5,6	7,1
Такое же	7,4	9,7	9,5	10,3
Несколько хуже	27,2	25,2	31,0	34,9
Значительно хуже	23,0	12,1	32,5	22,2
Затрудняюсь ответить	33,7	34,5	20,6	13,1

Символическая политика в Калининграде основана одновременно на использовании и развитии ресурсов исторической памяти и на попытках утверждения российского статуса области с помощью монументальной пропаганды — строительства церквей и возведении памятников. Попытки перекодирования исторического наследия лишь усиливают черты «островного» сознания калининградцев и входят в противоречие с интересами формирования единого межрегионального информационного и культурного пространства.

Заключение

Анализ представлений студентов трех городов Балтийского региона показал, что символические, ментальные барьеры оказывается труднее преодолеть, чем политические и экономические. Застарелые стереотипы общественного мнения воспроизводятся молодежью, сильно деформируя восприятие ею современной действительности. Возможности ускорения экономического развития и модернизации, открываемые сетевыми формами перераспределения ресурсов между пограничными регионами России, Польши и Литвы и позволяющими им извлекать стихийную или институционально оформленную позиционную ренту, лимитированы фрустрированным состоянием общества и негативным коллективным опытом старших поколений. Интерес молодых жителей Гданьска и Клайпеды к Калининградской области весьма ограничен, и либерализация трансграничных поездок пока не вызвала сдвигов в их геополитических представлениях. Ухудшение политической обстановки в Европе из-за кризиса на Украине не внушает надежд на скорые перемены. Студентов всех трех городов объединяет латентная неудовлетворенность перспективами трудоустройства, выражающаяся в декларируемом намерении эмигрировать. Ориентация молодых калининградцев, как и их сверстников из Гданьска и Клайпеды, на преимущественные связи с Европой нереализуема из-за неопределенности перспектив всего комплекса отношений между Россией и ЕС.

Тем не менее, исходя из опыта других стран, введение режима малого приграничного передвижения между Калининградской областью и соседними воеводствами Польши в принципе должно улучшить представления их жителей друг о друге, способствовать углублению приграничного сотрудничества. Терпеливая многолетняя работа по диверсификации взаимодействий, продвижению положительного имиджа Калининграда в соседних регионах Польши может принести плоды. Наряду с мерами по укреплению экономической базы региона увеличение его символического капитала необходимо и для гармоничного развития идентичности самих калининградцев.

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 14-18-03621 «Российское пограничье: вызовы соседства».

Список литературы

1. *Балтийский узел* // Независимая газета : [сайт]. 2001. 28 марта. URL: http://www.ng.ru/regions/2001-03-28/4_bend.html (дата обращения: 05.07.2014).
2. *Бубенец А.* Эскадренный субъект «Калининград» // Там же. 24 февр. URL: http://www.ng.ru/politics/2001-02-24/3_subject.html (дата обращения: 07.07.2014).
3. *Воронов К.* Бессмысленные мечтания // Там же. 30 июня. URL: http://www.ng.ru/polemics/2001-06-30/8_dream.html (дата обращения: 09.07.2014).
4. *Гинзбург С.* Угрозы сепаратизма нет // Там же. 8 июля. URL: http://www.ng.ru/scenario/2009-12-22/15_separatism.html (дата обращения: 09.07.2014).
5. *Гинзбург С.* Семь шагов // Там же. 2010. 22 июня. URL: http://www.ng.ru/scenario/2010-06-22/14_7steps.html (дата обращения: 09.07.2014).
6. *Гинзбург С.* Калининградский европеец // Там же. 30 марта. URL: http://www.ng.ru/scenario/2010-03-30/14_kaliningrad.html (дата обращения: 15.07.2014).
7. *Дерябин Ю.* «Северный поток» — экономика или военная политика? // Там же. 2009. 31 авг. URL: http://www.ng.ru/politics/2009-08-31/3_kartblansh.html (дата обращения: 09.07.2014).
8. *Дерябин Ю.* Обама смотрит на Балтику // Там же. 2 окт. URL: http://www.ng.ru/politics/2009-10-02/3_kartblansh.html (дата обращения: 12.07.2014).
9. *Дробизьева Л. М.* Российская идентичность и согласие в межэтнических отношениях: опыт 20 лет реформ // Российская нация: [сайт]. URL: http://rosnation.ru/?page_id=1064 (дата обращения: 01.06.2014).
10. *Колосов В. А.* Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России // Политическая наука. 2011. №4. С. 31—52.
11. *Колосов В. А., Зотова М. В.* Геополитическое видение мира российскими гражданами: опыт применения методов «критической геополитики». «Критическое» направление в геополитике: стала ли, наконец, геополитика наукой? // Географическое пространство России: образ и модернизация : сб. ст. / под ред. Н. В. Каледина, А. И. Чистобаева. СПб., 2011. С. 92—114.
12. *Колосов В. А., Зотова М. В.* Геополитическое видение мира российскими гражданами: почему Россия не Европа? // Полис. 2012. №5. С. 170—187.

13. *Крылов М. П.* Категория «идентичность» в контексте проблемы приграничий // Мир психологии. 2012. № 1. С. 137—151.
14. *Себенцов А. Б., Зотова М. В.* Потенциал ЭГП Калининградской области: ограничения и перспективы реализации // Балтийский регион. 2013. № 4(18). С. 113—131.
15. *Общественное мнение* — 2009. М., 2009.
16. *Общественное мнение* — 2012. М., 2012.
17. *Рябушев А.* Завершается подготовка к финальной части акции «Калининград — узник Европы» // Независимая газета: [сайт]. 2013. 16 дек. URL: http://www.ng.ru/regions/2010-10-22/5_kenig.html (дата обращения: 14.07.2014).
18. *Федоров Г. М.* Калининградская дилемма: «коридор развития» или «двойная периферия»? // Балтийский регион. 2010. № 2. С. 5—15.
19. *Федоров Г. М., Зверев Ю. М., Корнеев В. С.* Россия на Балтике: 1990—2012 годы. Калининград, 2013.
20. *Цыганок А.* Список угроз расширяется // Независимая газета. 2008. 3 марта.
21. *Houtum H. van.* Internationalisation and Mental Borders // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 1999. Vol. 90(3). P. 329—335.
22. *Houtum H. van.* The Geopolitics of Borders and Boundaries // Geopolitics. 2005. Vol. 10(4). P. 672—679.
23. *Kolosov V.* The vision of Europe and the world from large powers: the case of BRIC // Geografia Polonica. 2013. № 2. P. 89—98.
24. *Konrad V., Nicol H. N.* Border Culture, the Boundary Between Canada and the United States of America, and the Advancement of Borderlands Theory // Geopolitics. 2011. Vol. 16. P. 70—90.
25. *Kramsch O.* Regulating European borders: a cultural perspective // Innovative regulatory approaches: coping with Scandinavian and European policies / ed. N. Veggeland. N. Y., 2011.
26. *O'Loughlin J., Kolosov V., Toal G.* A Risky Westward Turn? Putin's 9—11 Script and Ordinary Russians // Europe — Asia Studies. 2004. Vol. 56. № 1. P. 3—34.
27. *Parker N., Vaughan-Williams C.* Critical Border Studies: Broadening and deepening the “lines in the sand” agenda // Geopolitics. 2012. Vol. 17. P. 727—733.
28. *Rumford C.* Interventions on rethinking “the border” in border studies // Political Geography. 2011. Vol. 30. P. 67—68.
29. *Sahlins P.* Boundaries: The making of France and Spain in the Pyrenees. Berkeley ; Los Angeles, 1989.
30. *Sidaway J. D.* Rebuilding bridges: a critical geopolitics of Iberian transfrontier cooperation in a European context // Environment and Planning D: Society and Space. 2001. Vol. 19. P. 743—778.
31. *The Ashgate Research Companion to Border Studies* / ed. D. Wastl-Walter. Farnham, UK, 2011.

Об авторах

Владимир Александрович Колосов, доктор географических наук, профессор, Институт географии РАН, Москва.

Ольга Ивановна Вендина, кандидат географических наук, Институт географии РАН, Москва.

THE YOUTH IN KALININGRAD, GDANSK AND KLAIPEDA:
GEOPOLITICAL VISION OF THE WORLD, IDENTITY
AND IMAGES OF THE OTHER

V. Kolosov*, O. Vendina*

*Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences
29 Staromonetny per., Moscow, 119017, Russia

Submitted on August 18, 2014

This work juxtaposes the analysis of the federal discourse on the exclave position of the Kaliningrad region in 1994—2012 based on the screening by the Nezavisimaya gazeta and the results of surveys of students at the Immanuel Kant Baltic Federal University and the Universities of Gdansk and Klaipeda using a similar questionnaire.

Students of all three universities show latent dissatisfaction with employment prospects, which is manifested in the declared intention to emigrate. The orientation of young residents of Kaliningrad and their peers from Gdansk and Klaipeda towards prevailing connections with Europe is complicated by the uncertainty of the EU-Russia relations. Young residents of Gdansk and Klaipeda reproduce dated stereotypes, and their interest in the Kaliningrad region is limited. However, as the experience of the other countries suggests, local border traffic between the Kaliningrad region and the neighbouring Polish voivodeships can contribute to the improvement of mutual images.

Long-lasting efforts to diversify cooperation and promote a positive image of Kaliningrad in the neighbouring Polish regions can prove worthwhile. Apart from the measures aimed at strengthening the region's economic base, it is necessary to increase the symbolic capital of Kaliningrad to achieve harmonious development of Kaliningrad identity.

Key words: Kaliningrad region, geopolitical vision of the world

References

1. Baltijskij uzal [Baltic node], 2001, *Nezavisimaya Gazeta*, available at: http://www.ng.ru/regions/2001-03-28/4_bend.html (accessed 05.07.2014).
2. Bubeneč, A. 2001, Jeskadrennyj subekt "Kaliningrad" [Squadron subject "Kaliningrad"], *Nezavisimaya Gazeta*, available at: http://www.ng.ru/politics/2001-02-24/3_subject.html (accessed 07.07.2014).
3. Voronov, K. 2001, Bessmyslennye mechtanija [Senseless dreams], *Nezavisimaya Gazeta*, available at: http://www.ng.ru/polemics/2001-06-30/8_dream.html (accessed 09.07.2014).
4. Ginsburg, S. 2009, Ugrozy separatizma net [No threat of separatism], *Nezavisimaya Gazeta*, available at: http://www.ng.ru/scenario/2009-12-22/15_separatism.html (accessed 09.07.2014).
5. Ginsburg, S. 2010, Sem' shagov [Seven steps], *Nezavisimaya Gazeta*, available at: http://www.ng.ru/scenario/2010-06-22/14_7steps.html (accessed 09.07.2014).
6. Ginsburg, S. 2010, Kaliningradskij evropeec, *Nezavisimaya Gazeta*, avail-

able at: http://www.ng.ru/scenario/2010-03-30/14_kaliningrad.html (accessed 15.07.2014).

7. Deryabin, Yu. 2009, «Severnyj potok» — jekonomika ili voennaja politika? ["Nord Stream" — the economy or military policy?], *Nezavisimaya Gazeta*, available at: http://www.ng.ru/politics/2009-08-31/3_kartblansh.html (accessed 09.07.2014).

8. Deryabin, Yu. 2009, Obama smotrit na Baltiku [Obama looks to the Baltic Sea], *Nezavisimaya Gazeta*, available at: http://www.ng.ru/politics/2009-10-02/3_kartblansh.html (accessed 12.07.2014).

9. Drobizheva, L.M. 2012, Rossijskaja identichnost' i soglasie v mezhetnicheskikh otnoshenijah: opyt 20 let reform [Russian identity and harmony in interethnic relations: experience of 20 years of reform], *Vestnik Rossijskoj nacii* [Bulletin of the Russian nation], no. 4—5, available at: http://rosnation.ru/?page_id=1064 (accessed 01.06.2014).

10. Kolosov, V.A. 2011, Kriticheskaja geopolitika: osnovy koncepcii i opyt ee primeneniya v Rossii [Critical geopolitics: the basis of the concept and experience of its use in Russia], *Politicheskaja nauka* [Political science], no. 4, p. 31—52.

11. Kolosov, V.A., Zotova, M.V. 2011, Geopoliticheskoe videnie mira rossijskimi grazhdanami: opyt primeneniya metodov "kriticheskoy geopolitiki". "Kriticheskoe" napravlenie v geopolitike: stala li, nakonec, geopolitika naukoy? [Geopolitical vision of the world as Russian citizens: the experience of application of "critical geopolitics." "Critical" in the direction of geopolitics: Whether became finally geopolitics science?]. In: Kaledin, N.V., Chistobaev, A.I. (eds.), *Geograficheskoe prostranstvo Rossii: obraz i modernizacija* [Geographical space of Russia: the image and modernization], St. Petersburg, p. 92—114.

12. Kolosov, V.A., Zotova, M.V. 2012, Geopoliticheskoe videnie mira rossijskimi grazhdanami: pochemu Rossija ne Evropa? [Geopolitical vision of the world as Russian citizens, why Russia is not Europe?], *Polis* [policy], no. 5, p. 170—187.

13. Krylov, M.P. 2012, Kategorija «identichnost'» v kontekste problemy pri-granichij [The category of "identity" in the context of the borderland], *Mir psihologii* [World of Psychology], no. 1, p. 137—151.

14. Sebentsov, A., Zotova, M. 2013, Geography and economy of the Kaliningrad region: limitations and prospects of development, *Balt. Reg.*, no. 4 (18), p. 81—94. DOI: 10.5922/2079-8555-2013-4-8.

15. *Obshhestvennoe mnenie — 2009* [Public Opinion — 2009], Moscow, Levada Center, 208 p.

16. *Obshhestvennoe mnenie — 2012* [Public Opinion — 2012], Moscow, Levada Center, 232 p.

17. Ryabushev, A. 2010, Zavershaetsja podgotovka k final'noj chasti akcii «Kaliningrad — uznik Evropy» [Preparation for the final part of the campaign "Kaliningrad — the prisoner of Europe"], *Nezavisimaya Gazeta*, available at: <http://www.ng.ru/regions/2010-10-22/5kenig.html> (accessed 14.07.2014).

18. Fedorov, G.M. 2010, The Kaliningrad dilemma: a 'development corridor' or a 'double periphery'? The geopolitical factor of the development of the Russian exclave on the Baltic Sea, *Balt. Reg.*, no. 2, p. 4—12. DOI: 10.5922/2079-8555-2010-2-1.

19. Fedorov, G.M., Zverev, Yu.M., Korneets, V.S. 2013, Rossija na Baltike: 1990—2012 gody [Russia on the Baltic Sea: 1990—2012 years], Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University, 252 p.

20. Tsyganok, A. 2008, Spisok ugroz rasshirjaetsja [Expands the list of threats], *Nezavisimaya Gazeta*, no. 42 (4283).

21. Houtum, H. van. 1999, Internationalisation and Mental Borders, *Tijdschrift voor Econimische en Sociale Geografie*, Vol. 90(3), p. 329—335.
22. Houtum, H. van. 2005, The Geopolitics of Borders and Boundaries, *Geopolitics*, Vol. 10(4), p. 672—679.
23. Kolosov, V. 2013, The vision of Europe and the world from large powers: the case of BRIC, *Geografia Polonica*, no. 2, p. 89—98.
24. Konrad, V., Nicol, H.N. 2011, Border Culture, the Boundary Between Canada and the United States of America, and the Advancement of Borderlands Theory, *Geopolitics*, Vol. 16, p. 70—90.
25. Kramsch, O. 2011, Regulating European borders: a cultural perspective. In: Veggeland, N. (ed.) *Innovative regulatory approaches: coping with Scandinavian and European policies*, New York, Nova Science Publishers.
26. O'Loughlin, J., Kolosov, V., Toal, G. 2004, A Risky Westward Turn? Putin's 9—11 Script and Ordinary Russians. *Europe — Asia Studies*, Vol. 56, no. 1, p. 3—34.
27. Parker, N., Vaughan-Williams, C. 2012, Critical Border Studies: Broadening and deepening the “lines in the sand” agenda, *Geopolitics*, Vol. 17, p. 727—733.
28. Rumford, C. 2011, Interventions on rethinking “the border” in border studies, *Political Geography*, Vol. 30, p. 67—68.
29. Sahlins, P. 1989, *Boundaries: The making of France and Spain in the Pyrenees*, Berkeley and Los Angeles, University of California Press.
30. Sidaway, J. D. 2001, Rebuilding bridges: a critical geopolitics of Iberian transfrontier cooperation in a European context, *Environment and Planning D: Society and Space*, Vol. 19, p. 743—778.
31. Wastl-Walter, D. (ed.), 2011, *The Ashgate Research Companion to Border Studies* Farnham, UK, Ashgate.

About the authors

Prof. Vladimir Kolosov, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Dr Olga Vendina, Leading Research Fellow, Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Russia.